

Акын Тимиров

Челябдеркет

Акын Тимиров
Челяберкет

«Атанор»

2017

Тимиров А.

Челяберкет / А. Тимиров — «Атанор», 2017

ISBN 978-5-9500760-1-5

Это книга о людях, которых жестокие перипетии истории XX-го века разбрасывают по миру – губя, разлучая, калеча судьбы и вновь неожиданно соединяя. Россия, Китай, Европа, Америка, войны – Гражданская и Вторая мировая... Но через всю жизнь герои проносят память о человеке, оставившем в их душах глубокий след, и тоску по невозвратно утраченной Родине.

ISBN 978-5-9500760-1-5

© Тимиров А., 2017

© Атанор, 2017

Содержание

Глава первая. Манхеттен – Бруклин	6
Глава вторая. Россия	14
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Акын Тимиров

Челяберкет

© Биктимиров Ш., 2017

© Верстка, дизайн обложки. ИП Багракова Т. В., 2017

* * *

Глава первая. Манхеттен – Бруклин

США. 1974 год. Нью-Йорк

Нортон Остин теперь приезжал из Бруклина в район Манхеттен на электричке, всегда рано утром. Здесь у него в одном из переулков города находилась небольшая мастерская художника – когда-то его бывшая квартира из двух комнат на первом этаже, где он прожил с женой Гаиной, украинкой по происхождению, много долгих, трудных, но счастливых лет жизни. Произвели они на свет одну-единственную дочь Катарину, которую Гаина родила, когда ей исполнилось тридцать восемь лет. Нортон с Гаиной были в отчаянии и не надеялись уже, что когда-нибудь смогут зачать ребёнка. И вот жарким летом 1950 года Гаина подарила бесконечно счастливому и растроганному до слёз мужу девочку. Жизнь Нортон обрела особенный смысл. Ощущение и осознание того, что он наконец-то нашёл тот колорит, который вечно искал в своих картинах. Тихо, на цыпочках, подкрадывался он к детской кроватке, осторожно отодвигал занавесочку и с умилением и замиранием сердца разглядывал своё лучшее в мире живое создание.

Нортон с Гаиной зарабатывали на жизнь тем, что писали картины. Он работал маслом, а она предпочитала акварель и гуашь и никогда не изменяла им. Часто изображала Гаина на своих картинах широкую жёлтую степь с белеющими вдали хатами, на фоне огромного голубого неба. Они мечтали накопить денег и приобрести где-нибудь в новостроящихся районах города квартиру, а эту полностью переоборудовать под мастерскую. После долгих уговоров дочери Гаина и Нортон переехали в ее просторную и светлую пятикомнатную квартиру в Бруклине. После первого неудачного сожительства с коллегой по местному радио Катарина сменила работу, устроилась в редакцию одной из газет Нью-Йорка. Теперь её работа была связана с командировками. Последнее время она часто уезжала, преимущественно на разные горячие точки планеты, за что ей хорошо платили, этим она могла оплачивать счета за квартиру.

И вот наконец-таки, вместе со своим старинным другом Ли Шелдоном, Нортон переоборудовал своё прежнее жильё под мастерскую художника. Ли жил здесь, неподалёку, в одном из краснокирпичных зданий в переулках Манхеттена. В завершение Ли Шелдон выложил под

окнами тротуар толстенными сорокамиллиметровыми досками. Такой видоизменённый тротуар несколько не испортил облик улицы, а наоборот, привлекал праздно шатающихся туристов. Подходили, желая просто потоптаться по дощатому настилу, что доставляло всем массу удовольствия среди каменного города.

Теперь Нортон Остин по воскресным дням давал уроки изобразительного искусства. Группа набиралась разноликая, разных возрастов и национальностей: китайцы, афроамериканцы, мексиканцы. Определённой таксы не было – кто сколько сможет. Иногда на дне картонной коробки для сбора денег попадались мятые бумажные рубли, отчего Нортон вздрагивал и подолгу рассматривал в руках желтые купюры.

Недавно на занятиях появился огромный угрюмый индеец из здешних племён могавков, молча заняв себе место в самом дальнем углу студии. М-да, конечно же, хмыкнул на это Нортон – они и денег не платят за то, что он их учит. Просто-напросто индейцы будут должны ему по жизни своим добрым отношением, приглашая Нортоня иногда на свои праздники, на что его друг Ли Шелдон всегда был рад, опережая товарища, отвечать, что в назначенный час они обязательно придут. Пожевав предложенный индейцами листок какого-то растения, Ли сразу становился бодрым и веселым. Под мерный стук барабана он вскакивал и начинал танцевать со всеми без устали до самого утра. Низкий, приглушенный звук барабана, в такт ему исполняемая гортанная песня индейцев всегда наводили на Нортоня тоску по той родине, что осталась у него далеко за океаном, которую он когда-то покинул вместе с своим другом Ли Шелдоном, в те послевоенные годы. С каждым годом тоска все больше и больше томила, точила душу, отдаваясь болью между лопаток. Снились отец и мать – взявшись за руки, они выходили из озера и говорили: «Сынок, сынок, куда ты пропал, в каких полях, в каких степях затерялся ты, али забыл дорогу в родной аул? Там ждут тебя...» Потом родители превращались в белых чаек, вспорхнув, взлетали над озером, жалобно пищали, долго кружили над ним.

Извинившись перед вождем племени могавков, он всегда тихо, незаметно для Ли, уходил, не дожидаясь конца праздника.

Остальные дни недели он уединялся в мастерской и целыми днями грунтовал, размазывал, малевал свои картины. Тут же выносил их на дощатый тротуар, под большие окна своей мастерской. Картины Нортоня не то чтобы разлетались вмиг, но на безбедную жизнь их продажи хватало.

Гаину словно подменили. Теперь она с удовольствием прохаживалась по квартире дочери, по светлым пустым комнатам с расположенным посередине зала диваном, с огромным черным телевизором на противоположной стене. Ахала и охала, разглядывая из просторной застекленной лоджии цветущий внизу парк. Дождавшись из очередной командировки свою дочь, она подолгу под ручку прогуливалась с ней по прохладному парку. Потом они заходили в полюбившуюся им кафешку, заказывали зеленый русский чай с пуншем.

«Какая у меня взрослая и красивая дочь выросла! Брюнетка с карими папиными глазами, худенькая и крутобёдрая, как я в молодости. Росточком опять в папу, среднего роста...» – думала Гаина, разглядывая дочь, когда Катарина, жестикулируя, захлеб рассказывала о своей недавней поездке.

Ей впервые за все эти годы было стыдно, неловко перед дочерью. Когда Катарина, закончив факультет журналистики, выпорхнула из семейного гнезда, как синичка, в большой, светлый и необъятный мир, они не следили и не боялись, и не переживали за нее. Ну, отучилась, ну, работает, приобрела квартиру в Бруклине. Однажды позвонили ей – живет там с каким-то бой-френдом. Как-то видели его один раз у себя в мастерской и, как всегда, было не до них – выполняли многочисленные заказы, как раз перед Рождеством. Не заметили, как они ушли, только мягкий, нежный шепоток дочери остался висеть в воздухе посреди студии: «мама... папа...». И вот тогда Гаина вскочила из-за мольберта, выбежала за ними на улицу. Дрожащим, всхлипывающим голосом окликнула: «Дитятко моё!»

Но только толпа людей, шедшая по авеню, безмолвно и безразлично обходила ее, искоса поглядывая на женщину с кисточками в руках, стоящую посреди улицы, кричащую что-то на непонятном им языке.

– Хватит, всё, муж, живи как хочешь, а я пошла искать свою дочь. Хочу быть с ней рядом.

Нортон, не отрываясь от этюдника, показал большой палец: всё о'кей, Гаина, я с тобой согласен, ты поступаешь правильно.

После наставлений дочери Гаина все-таки согласилась посетить вместе с ней салон красоты и решила предстать после этого перед своим мужем, в Манхеттене. Был воскресный майский день. Шли занятия, когда они появились у дверей мастерской. Нортон от неожиданности вздрогнул, когда увидел перед собой намалеванную, круглолицую и крутобедрую подругу жизни, похожую теперь на добрую фею из украинских сказок.

Сбежались торгующие на рынке по соседству китаянки. Индейцы, посчитав это за таинство обрядов белых людей, собрали свои поделки и молча ушли с рынка, оставив только одного, того самого, огромного индейца Джо – на всякий случай.

Нортон Остин давно уже не молод – ему шестьдесят шесть лет, но, несмотря на возраст, он был всегда бодр и по характеру добродушен. Его худощавое тело не вызывало жалости, а наоборот, удивляло легкостью движений, хотя он и прихрамывал вследствие ранения, полученного на восточном фронте. Не по годам сохранив ясность ума и память, Нортон вместе с тем был неряшлив: старый, просаленный черный фетровый берет, фартук, потертые джинсовые брюки, вечно перемазанный красками, пахнувший скипидаром и фисташково-чесночным запахом лака.

Каждое утро, тихо, неторопливо проходил он мимо огромных витрин магазинов. Он любил гулять по утренним пустым улицам Манхеттена. Солнце еще только вставало, освещая высотные здания, проникая своими лучами в чрева небоскребов, заливая их стекла холодным медным цветом. Потом, вырываясь из объятий высоток, оно ударяло золотыми стрелами по окнам кафешек, аптек, салонов. Утренний воздух был всегда свеж и чист, перемешан с дыханием морского прибоя.

С наступлением непогоды Нортон Остин становился задумчив и хмур. Рана той, ушедшей, войны напоминала о себе.

«Время злого Духа дождя и ветра, оно длится ровно шесть суток», – с тревогой говорили ему местные индейцы-могавки, показывая пальцами на серое небо, прятались в своих жилищах в дальних причалах Гудзонова пролива.

Война не давала Нортону уснуть, а если он все же проваливался в сон, война снилась ему.

Груды раскиданных вокруг ящиков из-под снарядов. «Снаряды!» – кричал кто-то сбоку. Нортон в бессилии подползал то к одному, то к другому ящику, но все они были пусты. Этот кадр прокручивался и повторялся во сне без конца. Нортон в отчаянии стонал, пытаясь ответить тому, невидимому, что кричал сбоку: «Нет! Нет! Нет!», но голос сдавливался хрипом, и, весь в липком поту, он вздрагивал и просыпался.

Уличные фонари сквозь неплотно задвинутые жалюзи тускло освещали комнату. За окном шумел дождь. По всему полу были разбросаны тюбики с красками. В углу комнаты, будто изваяние, чернел накрытый холстом мольберт. На столе – недопитая бутылка виски.

«Это я опять напился вчера...» – покачал Нортон головой. С трудом встав, доплелся до стола, налил в стакан оставшееся виски и жадно проглотил содержимое, не почувствовав горечь напитка. «Уже третий день, как пью, надо отходить...» – судорожно мелькали в голове мысли. Вернувшись к старому, черному, обшарпанному кожаному дивану, он рухнул и снова ушел в забытие...

Опять гул самолетов, разрывы бомб, мин и снарядов – как клещами, захватывают Нортон страшные сны.

«Танки, танки!» – кричат ему теперь сверху, сзади, сбоку. Он бешено крутит поворотный маховик наводки. «Нате вам, гады!» – силится крикнуть он, но горло словно кто-то схватил и душил длинными пальцами. И он сопел распухшими, прокушенными губами: «Нате вам, фрицы! – нажимая онемевшими пальцами кнопочный пуск. – Нате, держите!» Удар, толчок, и, будто с обрыва, летит он куда-то вниз, в глубокую, наполненную дождевой водой воронку. Вспышка света, и он снова просыпается – дрожащий и мокрый от пота. «Опять по танкам стреляешь? – доносится до него сквозь пелену света хриплый голос, проявляя в сознании Нортон знакомые черты лица наклонившегося над ним друга, Ли Шелдона. – Я тебя полчаса как толкаю-толкаю, а ты все проснуться не можешь. Я подумал: не умер ли ты? Уже четвертый день болеешь. Злой дух дождя и водяного змея захватил тебя. Двери не закрыты. Большой Джо сидит, который день охраняет тебя. Вставай, славный воин, „красный беркут“! Уже утро. Пятый день как в загуле, пора прийти в себя!»

Взваливая костлявого Нортон на себя, Ли заталкивал его в машину и напрямиком вез в сауну. Отпаренного и помытого, привозил обратно, бросал оживающего друга на кожаный диван.

Потом приходил вечно бубнящий себе под нос моложавый седой китаец, давал что-то попить и, не обращая ни на кого внимания, уходил, продолжал что-то нашептывать на своем, на китайском. Кому-то это могло показаться странным, но Ли знал китайца Чанга хорошо. То, что он бубнит – это ритуальное заклинание от злых духов муссонного дождя, длящегося шесть суток.

Ли Шелдон был старше Нортон на четыре года. Квадратный, могучий, высокого роста старик скуломордастой азиатской внешности с глубоко посаженными желтыми глазами, с короткой окладистой бородой. Выглядел он колоритно в своей тибетейке на наголо бритой голове. Ли исповедовал ислам. Каждую пятницу ходил на пятничный намаз, накинув на себя сшитый по заказу из зеленого английского вельвета халат до колен, в джинсовых брюках. Смешно переваливаясь на своих кривых, обутих в кожаные бордовые мокасины ногах, шел он в старую мечеть по адресу Powers, 106. Путь был неблизким, но Шелдон преодолевал его пешком, нашептывая по дороге в храм все пропущенные за неделю молитвы.

Очнувшись, Нортон первым делом спросил, какой сегодня день. Ли не сразу ответил. Закончив послеобеденный намаз, стоя у окна, сухо попенял: «Я из-за тебя сегодня пропустил пятничный намаз на Powers, 106!» Постояв еще немного, собрав под собой молитвенный коврик, медленно развернулся к Нортону и тихо сказал:

– Вчера похоронили вождя племени могавков Дон Фардона.

– О Боже! – тяжело вздохнул Нортон и, с трудом приподнявшись, сел, свесив с постели почерневшие, с надутыми прожилками ноги.

– Жаль, не получилось проводить его в последний путь, – виновато отводя взгляд в сторону, просопел он.

– Когда его тело, завернутое в саван, привезли на кладбище, – продолжал Ли, – резко прекратился дождь, серая мгла рассеялась и небо стало ярко-голубым. Кондор в небе, широко раскинув крылья, долго кружил над нами. Индейцы разом воскликнули: «Это он, наш вождь Дон Фордон! Душа его переселилась в гордого орла-кондора!» Забил барабан, и они дружно, глядя в голубое небо, запели «El Condor Pasa», отчего у меня по всему телу побежали мурашки:

Чем быть привязанным к земле,
Быть лучше в небе.
И лучше быть лесным дождем,
Иль ярким солнечным лучом,
И лучше ввысь лететь,
Как гордый кондор...

«Он нас покинул, но не бросил, он будет всегда с нами, в нашей благодарной памяти!» – прошептали белые люди, которые тоже сочли нужным проводить в последний путь старого индейца. У многих текли слезы. Ведь вождь многих из них силой своего шаманства излечил от, казалось бы, неизлечимых болезней...

...Таких целителей сейчас в Нью-Йорке нет, – с грустью пробормотал Ли Шелдон.

Помолчав, он вдруг со стальным оттенком в голосе обратился к Нортону:

– Ты, друг мой, признайся честно, никогда не верил в его шаманство. Ты и в Бога не веришь, в мечеть со мной не ходишь на Powers, 106.

– Ну почему же? – пожал плечами Нортон. – Я чувствую: что-то есть, но только объяснить себе это не могу.

– Почитай священные писания, там все сказано и описано, – недовольно рыкнул Ли. – Я же предлагал тебе книги, а ты полистаешь и отбрасываешь в сторону. Нет, не дошел ты еще до Бога, а пора бы, тебе уже шестьдесят шесть лет от роду.

Ли Шелдон, ворча, обул на мокасины галоши и, не попрощавшись, ушел, хлопнув дверью.

Нортон припомнил: в один из ветреных дней 1949 года Дон пришел и повесил на край его окна индейскую куклу Тай-ме. При порывах ветра она билась в стекло, словно просилась: «Запустите меня, мне холодно...» Тогда, по просьбе жены, Нортон занес сырую и холодную куклу, свитую из свежих трав и корений. Повертев в руках, усмехнулся и отдал ее Гаине. Гаина тогда повесила Тай-ме с внутренней стороны окна. Иногда Тай-ме издавала приятный запах, иногда слышался еле уловимый треск сучьев. Однажды, как показалось им обоим, кукла пискнула. «Да нет! – не поверил тогда Нортон. – Это воробы на улице чирикают».

А вскоре Гаина призналась, что она беременна. Тогда Нортон вскочил из-за мольберта и, обняв жену, расцеловал ее в пухлые упругие щеки. Потом выскочил из дома и дико орал от радости, стоя посреди улицы. Толпа, бредущая по авеню, безразлично обходила его, снисходительно пожимая плечами, люди переглядывались между собой, искоса посматривая на прыгающего от радости человека в перемазанном красками фартуке. Подруги-китайки, весело взвизгнув, забежали в открытые настежь двери, обнимали, поздравляли бесконечно счастливую Гаину. Нортон бы еще долго плясал от переполнявших его чувств, если бы не седой китаец, проходящий мимо. Он прошептал ему в ухо: «Тихо! Распугаешь духов...» – и, что-то бубня, растворился в толпе.

Вечером у морских причалов в этот день долго бил барабан индейцев, и низкий, гортанный звук песни густо стелился по глади пролива...

– В твоих книгах много мудрых слов сказано, – пробурчал Нортон вслед ушедшему Ли. – Я еще недавно говорил тебе: иконопись в твоих книгах – это грех, харам. Я – художник, и это мое единственное ремесло, которым я зарабатываю на жизнь... Вот этими самыми руками! – он потряс ими в сторону двери. – Твои богословы запрещают мне изображать людей. Они говорят: того, кто создает образы живого существа, Аллах станет подвергать мучениям до тех пор, пока художник не вдохнет дух в свои изображения. А я не смогу этого сделать никогда. Горе мне, если я не перестану заниматься своим ремеслом дальше. Вот тогда я отбросил твои книжки в сторону. Зачем тогда Аллах дал мне способность в точности рисовать лицо человека? Вокруг меня большинство людей не умеют этого делать, они просят рисовать меня. Аллах дал мне талант, и я должен этим воспользоваться. Или скажешь: рисуй геометрические фигуры – арабески? Здесь не нужен талант художника, арабески может начиркать любой обыватель.

Нортон поначалу действительно не дочитывал книги, предложенные Ли, закрывал и откладывал их. Но через некоторое время какая-то неведомая сила пробуждала в нем необъяснимый интерес к этим книгам, и он вновь возвращался к ним и читал дальше. Иногда ловил себя на том, что не просто читает, а весь уходит в книгу, вникая в каждое слово всей душой.

Накинув джинсовую куртку, он вышел из дому и побрел к тому переулку, где за углом в одном из домов жил Ли Шелдон. Второй этаж, дверь Ли никогда не закрывал. Толкнув дверь, Нортон вошел в квартиру. Темный квадратный коридор, освещаемый справа окном из кухни. В углу одиноко стояли галоши. Справа – большой, с высоким потолком, зал. Везде – дубовый паркетный пол. А вот и спальня, где в это время находился хозяин квартиры. Он читал намаз.

– Вчера у тебя закончился месяц Рамадан. Сегодня у тебя праздник Курбан-байрам, поздравляю! – сказал Нортон.

– Спасибо, – тихо ответил Ли, собрал под собой молитвенный коврик, повесил его на дужку кровати и вышел в зал.

– Вот, принес твою книгу. Прочитал, спасибо, много что уяснил для себя, и много того, что совсем не понял, – Нортон протянул ему книгу.

– Можешь оставить ее себе, – сказал Ли.

– Спасибо, – поблагодарил гость. Повисла пауза.

– В России сегодня готовят шурпу, плов, угощают соседей, – первым разорвал затянувшееся молчание Нортон.

– Да, – согласился Ли, – жертвоприношение, колют барана, готовят пищу и разговляются.

– «Жертвоприношение» как-то резко звучит для моего уха, – сказал Нортон, – у православных Христа принесли в жертву, и то они избегают этого «языческого» слова. Страстная пятница, но только не жертвоприношение. В «Коране» черным по белому написано: делись. Если Аллах дал тебе силу, талант и ум, ты должен пользоваться этим во благо себе, но не забывать о слабых от рождения, об инвалидах, о старых людях. Заработал сто монет – десять отдай просящему, который в силу сложившихся обстоятельств не может пока заработать таких денег. Помогите тому, который пишет книгу или занимается наукой. Делись и в остальные дни. Курбан-байрам – это кульминация возложенного Всевышним повеления: делись!

– Нортон, ты меня, дружище, приятно удивил, – снисходительно улыбнулся Ли, – продолжай, что ты еще понял и внял из этой книги.

– В ней с первых страниц описана жизнь и бытие прародителя всех арабов Авраама, который жил за пятьсот лет до начала нашей эры. Решил Аллах проверить, истинная ли у него вера или нет. Приказал Аврааму принести в жертву своего единственного сына. Погоревал Авраам день и ночь, а наутро разбудил сына и, объяснив о повелении Аллаха, повел его на жертвенник. Что Авраам думал тогда? В то утро он уже принес своего единственного сына в жертву. Сама этическая грань, черта уже пройдена, шаг уже сделан. Он стал абсолютным фанатиком, готовым на убийство своего сына. Сын же, оказавшись на жертвеннике, спросил отца: «Что это означает?»

Ли, пораженный услышанным, подошел к окну и оттуда ответил:

– Знаешь, друг, я об этом даже не задумывался. Я не вникал так глубоко в учение ислама.

– Так вот, слушай, друг мой, что я вынес из этой книги. Отец, запрокидывает рукой голову своего сына, обнажает шею и заносит нож. И в этот момент ангел останавливает занесенную руку отца. Что творилось в сердце сына в последние минуты жизни? В душе сына умирает образ отца, который должен защищать его, взрастить, наставить на путь праведный. Травма на всю оставшуюся жизнь. Аморальный пример фанатизма. Убить ребенка – это одна из самых мерзких вещей, которые может сотворить человек разумный. В Коране сказано: Аллах всевидящий, всезнающий. Разве он не видел, что Авраам предан ему всем своим существом и любит его? А может, зная это, Авраам до последней минуты надеялся, что Аллах не даст ему совершить злодеяние? Что это? Лукавство со стороны Авраама? Всё продумал хитроумный еврей! Ну, что замолчал, друг мой Ли Шелдон, ответить нечем?! Ты просил, нет, ты даже требовал, чтобы я прочел эту книгу, и я прочел.

– Известна история, когда византийский царь показал мусульманам из сундука Адама изображения пророков, но те не узнали никого из них, – начал свой ответ Ли, развернувшись

к Нортону, – шиитские богословы утверждают: нет ничего плохого, если ты решишь написать портрет целителя и вождя Дона Фардона, как просили тебя индейцы. Главное, чтобы это изображение не служило объектом поклонения, чтобы помнили его просто как хорошего человека, который верил в Бога. Современные мусульмане ничего нового не привнесли в научно-технический прогресс. Слово «ученый» в исламе прежде всего означает «богослов». В средние века мусульманская цивилизация научила Европу кораблестроению, мореплаванию, математике, астрономии. Современные богословы неправильно излагают учение ислама. Нынешние мусульмане настолько обленились душой и телом, что не только оставили многие науки, но и забыли основы своей религии. Аллах сказал: над теми, кто тянется к науке, ангелы простирают свои крылья, кто тянется к знаниям, тот идет по дороге со мной.

– Значит, я могу выполнить просьбу индейцев? – спросил Нортон.

– Можешь, – ответил Ли, – если это не будет, повторяю, объектом поклонения.

– А хорошо ты сказал про ангелов...

– Не я это сказал, а Всевышний.

– Ну да, – согласился Нортон и процитировал слова из учения: – «...ангелы простирают свои крылья над теми, кто идет в поисках знаний». Я хочу написать это! – оживился вдруг он.

– Ну вот, приходишь в себя после своих запоев, – улыбнулся Ли, – ангелы уже летают над тобой.

– И все же, друг мой Ли, я остаюсь атеистом. Моя библия, как сказал великий русский поэт Пушкин, – конституция!

– Это твой выбор, Нортон, мы с тобой живем в светском обществе, – ответил на это Ли. – Только запомни: в твоём законе за подлость не наказывают. В средние века мусульмане принимали значение ислама иначе. Они с ясностью в душе видели эту серебряную нить, которая тянулась через всю священную книгу, и возлюбили Аллаха всей своей душой. В наших современных умах этот серебряный клубок потускнел. Многие думают только об одном – как бы им попасть в Рай – и превращаются в тупых фанатиков. Я понял тебя, Нортон – ты веришь в Аллаха, но не в религию, не в человеческие измышления.

– Ли Шелдон, товарищ мой, пойдем посидим в нашей любимой кафешке «Реггио» на Магдугал-стрит, я за все плачу.

Улица пахла цветущими деревьями вперемежку с выхлопными газами автомашин. Громадные небоскребы, близость океана... нью-йоркское небо казалось Нортону очень высоким и бескрайним после шестидневного безвылазного «бдения» в мастерской. Одурманенное тело звенело, Нортон жмурился от летящего на него солнечного света, ощущая ладонью приятное тепло весенних лучей.

Кафе и рестораны здесь повсюду – над каждой дверью зовет и манит дежурки огонек, как в одной песенке. Сквозь окна проглядываются уютные интерьеры ресторанов. Навстречу движутся люди, абсолютно разные – «белые воротнички» в хороших костюмах, туристы в шортах, яркие афро-американцы, китайцы, латино-американцы, просто нищие бродяги. Среди толпы людей не чувствуется агрессии, никто никого не пихает, не задевает, вокруг улыбающиеся лица. Нортон знал и любил каждую улочку, каждый дом, даже вонючие переулочки, где поднимается из-под земли, от решеток тоннелей метро, теплый воздух.

Вот и кафе «Реггио», где друзья любят посидеть за высокими стеклами окон и смотреть на улицу. Во внутренней обстановке кафе не было вычурности и помпезности. Во всем была нарочитая простота и даже небрежность, что располагало к возможности приятно расслабиться.

– Ли, сейчас я закажу тебе много-много еды, разговляйся. Ну, а себе, как всегда, зеленый русский чай с пуншем и большим тульским пряником.

Когда Нортон впервые заказал зеленый чай с пуншем и большим тульским пряником, служащие кафе несколько раз подходили и переспрашивали: «Какой зеленый чай, да еще с пуншем и пряником?» «А такой! – вскочил тогда из-за стола и зло прошипел Нортон, – который

любил сам Пушкин, великий русский поэт!» Тогда, не дождавшись заказа, он ушел, хлопнув дверью. Сейчас здесь его знают и всегда с улыбкой на устах подносят Russian green tea with punch и пряник с глазурью на блюде с золотой каемочкой.

Глядя почти в упор на осунувшегося товарища, Ли спросил:

– Тебе до сих пор снится война?

– Снится, – тяжело вздохнув, ответил Нортон. – Когда злой дух дождя заволакивает все небо и зеленый водяной змей вползает мне в душу, тревожит и будоражит мои мысли, завладевает всем телом, напоминая о содеянном. Так говорил мне про эти дни индеец Джо.

– Он прав, – согласился Ли, – нельзя забыть прошлое. Хоть говорят: не отягощай душу, не плачь о прошлом.

– Что было, то прошло, зачем эта боль? А она все тянет обратно и сносит голову воспоминаниями. Сужу себя за прошлое и, когда мне не спится, хожу на морской причал Гудзона. Смотрю на волны, а они словно шепчут. И в плеске воды чудятся мне голоса тех, кто не вернулся с кровавых полей той, прошедшей войны.

Глава вторая. Россия

Урал. 1919 год

В небольшой уездный город Челябин Фаиз приезжал со своей старшей сестрой Амалией с близлежащего хутора утром. Фаизу исполнилось двенадцать лет. Неторопливо шли они по вымощенным камнями улицам. Витые чугунные ограды, за которыми стояли двух- и трехэтажные особняки купцов с белыми колоннами и парадными лестницами, поражавшие своим убранством.

«Поберегись!» – окликали их извозчики, запряженные кони, цокая копытами, пролетали мимо. Трактиры, кабаки с большими окнами, бликующими на весеннем солнце, манили Фаиза запахами татарской кухни.

– Эй, молодая, красивой опайка, подь ко мне, посиди с нами, братика не обидим угощением! – окликали Амалию мужички. Амалии это все нравилось, сердце девицы ёкало, когда приятный мужской баритон зазывал её к себе, но она не подавала и виду. Круглолицая красавица хмурила на это черные, дугой, брови, сверкала карими глазами, показывая этим: только подойдите!

Опа! – отскакивали от нее молодые парни, весело галдели ей вслед. Черные волосы, заплетенные в косы, доставали Амалии до пояса. Голубое платье слегка облегалo ее стройную фигуру. Зеленый камзол, расшитый тамбуром под лепестки полевых цветов, ладно сидел на ее хрупких плечиках.

«Что они в ней нашли, – удивлялся братишка, – в этой вредной и строгой сестрице? Не вредничала бы, глядишь, и меня бы чем-нибудь угостили, – думал Фаиз, с сожалением оглядываясь на молодых крепких мужчин, и тяжело вздыхал. – Эх, мне бы брата!»

– Пошли, пошли! – дергала сестра его за руку, – заработаем, я сама тебя угощу.

Проходили по мосту. Здесь Фаиз непременно останавливался, наваливаясь на ограду, глядел вниз, где шумным потоком протекала река. Кружило голову, казалось, будто сам мост начинал двигаться вдоль берега.

– Ух! – восклицал он, бегом догонял Амалию, и они оказывались на пешеходной торговой улице, где находились книжные ряды, ателье, бакалеи, парикмахерские. Вот и художественный магазин с дубовой дверью, где продавались поделки из глины, слепленные руками Фаиза. Хозяин магазина Ковальский был доволен, хвалил за его, не по годам, способности лепить всякие фигурки-свистульки, которые они с сестрой разукрашивали красками, приобретенными здесь же, и лакировали. Поделки раскупались и никогда не застаивались. Мало того, были уже и специальные заказы. В благодарность Ковальский выделил им лавку в своем магазине, где они сами могли торговать своим товаром. За это Амалия по окончании работы мыла полы в магазине. Фаиз больше бегал со своими сверстниками по торговой улице, чем помогал сестре продавать поделки.

Все было хорошо и безоблачно, ладились дела, если бы иногда с грохотом копыт по мостовой и с гиканьем не проскакивали на лошадях казаки, напоминая всем, что не все в мире спокойно. Идет гражданская война, она уже дошла до предгорий Урала. Два непримиримых класса – богатых и бедных – схватились не на жизнь, а на смерть. У каждого – своя правда, а посередине – грязная политика чиновников разных рангов, замешанная на лжи и подстрекательстве. Сталкивая лбами противоборствующие стороны, извлекали они из того свои выгоды. Алчность фабрикантов и помещиков достигла апогея. Из рабочего люда высасывались последние соки, нищета, бесправие, беспросветная в настоящем и в предстоящей жизни. В угнетенном народе копилась обида на класс власть предержащих, на несправедливость и вырывалась наружу лозунгами: «Долой монархию! Долой эксплуататоров! Даешь парламент и конституцию!»

Но власть во главе с Николаем Вторым не пошла навстречу народу в прямом и переносном смысле, не признала, казалось бы, явно справедливые, пока еще мирные требования, избегая демократического диалога. «Всё или ничего!» – стучало в больных мозгах помешанных только на прибыли владельцев заводов и фабрик. А было, дескать, перекантуется в своих дощатых бараках. К сорока – сорока пяти годам они сопьются, их перекосит чахотка и язвы. На смену им придут их сыновья, дочери – и так по кругу. Не одно столетие маховик самодержавия, основанный на страхе и бесправии, крутит их в мясорубке российской действительности. Беспокойство же европейских правозащитников будет расценено как грубое вмешательство во внутренние дела государства. Газеты будут постоянно вбивать в головы россиян о готовящемся перевороте и захвате власти в России со стороны западников. Россия им нужна только как сырьевой придаток для всей Европы. Население же России окажется в рабском положении, в отдельных резервациях за Уралом добывая руду, каменный уголь, нефть. Беспощадно будут вырубаться леса, и это будет гораздо хуже, чем сейчас. Забыв о своем бедственном положении, народ, захлебывающийся, клопочущий от избытка патриотизма, кинется защищать свою Родину. Как всегда, он сплотится и отстоит свою независимость, миллионами погибая на полях сражений, обогрив землю, родную матушку, кровью. Сами не живем, не можем, и другим ни за что не дадим. Кто учить нас вздумает, тот свихнется. Обезумев, не победив, вернутся обратно в цивилизованную, просвещенную Европу, не покорив гордый и суровый лапотный народ.

То там, то здесь появлялись воинствующие группировки. Сыновья мелких предпринимателей и владельцев магазинов и повзрослевшая поросль уже работающих вместе с родителями на уральских заводах, рабочая молодежь. Особенной свирепостью и ненавистью к ним отличался здоровенный молодой человек по имени Хасан, лет шестнадцати от роду, сын местного банкира Акбаша Шаяпова.

Торговую улицу Уфимку разделял мост над рекой Миасс. На той стороне моста улица Заречная, где в основном находились питейные заведения – трактиры, кабаки. Особняком, поодаль, у берега реки стояла большая, краснокирпичная, с золотыми куполами Троицкая церковь. По выходным молодежь устраивала между собой нешуточные разборки прямо под мостом, на берегу реки. Хасана тогда будто подменяли – неуправляемая злость застилала ему

глаза, набывчив голову, он в бешенстве врезался в ряды неприятеля. Махал своими ручищами в разные стороны, а когда успокаивался, обнаруживал вокруг себя лежащих противников и испуганные взгляды стоявших в стороне людей. Тогда Хасан проделывал свой трюк. С яростью разворачивался он к толпе зевак, делал страшные гримасы и, рыча, кидался на них. Люди в ужасе разбегались по сторонам от него, прячась в магазинах и по переулкам. Для полного удовлетворения своего превосходства он должен был догнать кого-то из убежавших – желательно, дамочку. Настигнув одну из них, рычал, скалился во весь рот, делал бешеным взгляд, мотал головой, притягивая к себе теряющую от страха сознание женщину. Но однажды его трюкачество превзошло все мыслимые ожидания. Когда Хасан в очередной раз выхватил из толпы зевак жертву – молодую девицу – и уже притянул ее к себе, он вдруг получил неожиданный удар в спину. Отбежавшая на безопасное расстояние толпа ахнула: что же сейчас произойдет? Оглянувшись, Хасан увидел коренастого мальчонку, стоящего перед ним в боевой стойке, в полной решимости умереть за свою сестру. Это был Фаиз, вступившийся за Амалию.

«Шустрый тургай!» – отметил про себя Хасан. Расставив ноги, схватил он мальчишку за плечи, легко поднял его над тротуаром. Широко раскрыв пасть и показав всем свои намерения разорвать трепыхающуюся как зайчонок жертву, Хасан неожиданно получил сзади удар ногой прямо в пах от Амалии.

– Ох! – задохнулся он от нестерпимой боли, выпустил мальчонку, присел на корточки.

Толпу буквально перегнуло пополам от смеха. Кто-то в хохоте вываливался из дверей магазинов, наблюдавшие за всем происходящим из окон едва не выпали на улицу. «А что случилось?» – испуганно спрашивали остальные, выглядывая из переулков.

Отдышавшись, Хасан вполне серьезно погнался за визжащей Амалией, однако девушка с братом благополучно добежали до художественной лавки, наглухо закрыв за собой дубовую дверь.

«Шаян-малай» позже прозвали Хасана уличные торговцы. С тех пор это прозвище к нему и прилипло.

Он часто появлялся в торговом дворе, прогуливаясь со своими друзьями. То и дело заходил в художественную лавку. Кривил губы в улыбке, наклонялся над Амалией и проговаривал: «Всё равно рано или поздно ты будешь моей, синичка...»

Амалия побаивалась здорового, высокого, кареглазого, богато одетого юношу. Она отмалчивалась на его реплики, отводила глаза, хмурилась.

– Вот такая мне и нужна, – говорил Хасан, – ну прямо шамаханская царица!

Нехотя уходил он, окликаемый друзьями, во дворы, где высилась соборная мечеть и откуда доносился голос призывающего на пятничную молитву муэдзина.

На смену им по воскресным дням появлялись на улице Уфимской молодые ребята из близлежащего поселка железнодорожников, работающие в локомотивном депо и железнодорожных мастерских. Они дружной ватагой пересекали торговую улицу, прикупая что-нибудь из безделушек для своих подруг. Среди них выделялся явный вожак Антон. Чуть выше среднего роста, крепко сбитый паренек. Подойдя к лавке, он по-дружески кивал Фаизу, высыпая из огромных клешней семечки.

– Здравствуй, Амалька, – обворожительно скалился он белозубым ртом. Его серые глаза пробежали по всему телу Амалии, от чего она невольно съеживалась. Король заводских районов – всё, что смогла уловить она в смелом поведении белобрысого парня.

– А ну, продай мне вон ту свистульку, – протянул он монету Фаизу, – буду свистеть по путям железной дороги. Значит, это ты уронила Хасана при всех? – проскрипел он Амалии по-пацански. – Не испугалась! А ты не ссы, мальчонка, скоро наша власть наступит. Красная Армия уже на подступах к городу. Слышите, наверное, по ночам канонады, это наши их бьют. Разобьем их, тады посмотрим, кто будет хозяин. Мы будем жить как сможем, они будут жить,

как мы захотим, дайте только власть в наши руки. Совет рабочих и крестьян уразумеет, шо с баями делать. Лично я бы их вот этой рукой! – сжав свою клешню, со свистом рубанул он, словно шашкой, по воздуху.

– Ленин, слышишь, что сказал? – спросил Антон девушку и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Есть один выход – путь к обществу без классов, нет бедных и богатых, все равны, каждому по потребностям. Здорово, да? Амалька, заживём! – блеснули его глаза. – Вся власть – рабочим и крестьянам, заводы и фабрики – достояние народа.

– А с Хасаном что будем делать? – усмехнулась Амалия.

– С Хасаном? – растерялся Антон, но, подумав, заключил: – Как со всеми, перевоспитывать будем.

– А если не получится? – расхохоталась девушка.

Тогда, разозлившись, Антон ответил:

– Он классовый враг, а с классовым врагом у нас разговор короткий, – задергал он желваками, блеск его глаз сменился тяжелым, непроницаемым взглядом.

«Всё, дальше его не надо доставать...» – оценила ситуацию Амалия и, как бы невзначай, сказала:

– А я тебя помню ещё с детства, когда мы все в начале лета собирались на сабантуе.

С Хасаном у Антона были особые отношения. Ещё в подростковом возрасте они постоянно соперничали между собой на сабантуе, который каждый год проходил у озера Аргаяш, после посевной. На берегу озера располагалась бревенчатая, с высоким куполом над крышей мечеть. Антон с отцом, будучи православными, смело заходили во двор «Агас мечети», проводывали такой же обряд, как и мусульмане, клали правой рукой монеты в зеленый ящик с прорезью – на нужды храма. Выслушивали молитву на арабском языке, которую тут же переводили на русский, и отец Антона благостно проговаривал:

– Всё enda по-нашему звучит: возлюби ближнего своего, почитайте старших, уймите гордыню.

Отец Антона был бригадиром в железнодорожных мастерских. Был жестким и требовательным, и в то же время умел ладить со всеми бабами и мужиками, за что его беспрекословно слушались и уважали.

Обернувшись к тем, кто не решался зайти во двор мечети, со стальным оттенком в голосе замечал:

– Бог един, и нет нам нужды держаться друг от друга поодаль. Россия одна и для башкир, и для русских, нам её подымать и строить.

– Ну, пока, Амалька! Приходи сегодня после полудня на митинг. Я тама речь толкну для моих сверстников! – Антон выскочил из лавки бегом. Вместе с товарищами, шумно, пробежали они по мосту, расшугивая по сторонам мирно гуляющих горожан небольшого уездного городка Челябин.

Всерьез и по-взрослому Антон и Хасан сошлись в марте, на масленице – на замерзшей реке, у стен Свято-Троицкого храма. Два лидера, два некоронованных короля – рабочих кварталов и богатых центральных дворов. Сошлись на кулачном бою. На кону – зеленая малахитовая шкатулка, доверху набитая червонцами и завернутая в дорожную шаль. Такой приз предложил победителю отец Хасана – Акбаш, властный, не терпящий противоположного мнения, бай. Всё по его, и никак по-другому. Акбаш давно сделал для себя вывод: здесь, в уездном городке, нет личности, которая бы посмела урезонить его, а потому было ему одиноко и скучно. Он брал на себя организацию всех городских дел, не доверяя никому. Единственный человек, который мог одёрнуть деспотичного бая – это имам с «Ак-мечети».

– Перед Аллахом все равны, несмотря на социальное положение. У нас в городе негласное соглашение о взаимоуважении, и, если кто его нарушит, это «харам», – строго говорил имам.

Акбаш знал возможности своего сына на сегодняшний день – большая шкатулка останется у них.

– Кулачный бой! Давай кулачный бой! Без судей, судить сами будем! – заголосила пьяная толпа.

Антон и Хасан, видя, что никто из них не уступает друг другу в ловкости и быстроте во всех соревнованиях, понимали, что остается только один способ, жестокий, но честный – выявить победителя в кулачном бою.

Антон, сняв с себя кожаную тужурку и фуражку, отбросил их товарищам. Прошел на середину реки, развернулся и звонко крикнул:

– Я готов!

– У-у-у! – загудела толпа, предвкушая яростную битву. С шумом с золотых куполов, освещенных мартовским солнцем, взлетела стая ворон, закружила над рекой, перелетела на другой берег, скрылась за «Ак-мечетью».

– Готов и я! – раздался с противоположного берега густой и зычный голос Хасана. Никто и не сомневался – кроме него, некому и соперничать с Антоном. Толпа расступилась, из нее вышел здоровенный, крутоплечий молодой батыр Хасан.

– Я готов! – повторил он и тоже прошел к середине реки. меховая шапка с двумя свисающими лисьими хвостами, глубоко насаженная на голову – неизменный атрибут формы готового к жестокой схватке башкирского воина.

– Уралга! – призывно восклицала сторона, болеющая за Хасана. «Уралга» на тюркском языке означает «вперед, к победе!». Уры – древние предки башкир, заселявшие здешние уральские степи. «Алга» переводится как «вперед».

– Уралга! – гортанили друзья Хасана.

– Господа и барышни, мужики и бабы, а еще и товарищи! За победу в этом поединке я определил приз! – громко объявил Акбаш Шаяпов. – Большая малахитовая шкатулка с золотым колечком и царскими червонцами внутри нее. Все это завернуто богато расшитой шалью. А деньги в шкатулке, я вам скажу, немалые. Кто победит, тот будет волен распоряжаться ей, – отыскав глазами Амалию, закончил он под одобрительные аплодисменты горожан, собравшихся на мосту.

– И ещё, – переждав паузу, он махнул своей свите, – пять бочек вина для рабочего люда! – гаркнул Акбаш, довольно разглаживая окладистую седую бороду. Рев толпы заглушил последние его слова:

– Ай да Акбаш-бай! Вот и лады! – ржали, словно кони, мужичье. – Уважил народ!

За всем этим с ужасом наблюдали с колоколен священнослужители, неустанно перекрепчивая толпу. Узнав о выходке Акбаша, имам уединился в самом дальнем углу молельного зала. Взяв в руки четки, он о чем-то шептал про себя, иногда вздрагивая от доносящихся до него дурашливых взвизгов людей, собравшихся у моста.

Хасан с Антоном стояли друг против друга. Каждый из них понимал, для кого они пытаются выиграть богатый приз. Одна только мысль, что не он, а его соперник будет удостоен чести вручить золотое кольцо Амалии, приводила в бешенство их обоих.

– Хугыш! – скомандовал Акбаш и взмахнул рукой.

Соперники с яростью бросились друг на друга.

– Уралга! – кричали на все голоса друзья Хасана.

– Шаян, Шаян! – визжали девушки, поглядывая на Амалию, вот-вот готовую расплатиться от того безумства, что творилось из-за нее у стен храма. Сердце ее разрывалось, оба молодых человека были ей близки по-своему. Никому из них она до сих пор так и не смогла отдать предпочтения. Каждый по-своему интересен.

Хасан – веселый увалень, приветлив со всеми, мог запросто зайти в кабак, посидеть с работными людьми, угостить всех. И делал он это от всей души, а не ради дешевой славы.

Антон – мужественен, собран, склонен к философствованию. Его пытливый ум не давал никому покоя. Прочитав всех классиков литературы, а в последнее время – политические труды Ленина и Плеханова, он подолгу обдумывал, делал выводы, выплескивал прочитанное своим товарищам. Те, послушав, отмахивались от него: «Ничего не изменишь, в книге все гладко сказано, в жизни всё не так. Как были мы рабами, так и умрем рабами. Алчности буржуев нет предела и конца. Никакими законами не искоренить „рассейскую“ действительность». Делая такой горький вывод, расходились работяги по рабочим местам.

Слушать Антона и Амалии становилось скучно. Тогда она начинала подтрунивать над парнем, а он не мог сразу переключиться на юмор, терял мысль, становился смешным, и это умиляло её.

...Празднующая толпа, взявшись за плечи, раскачиваясь, пела:

– Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

– Шаян, шаян! – пищали девчата, навеселе, покрасневшие на весеннем солнце после хмельного кагора.

Девушки, в отличие от мужчин, держались вместе, в одной весёлой компании. Им нравились оба претендента: бесшабашный, с клоунскими выходками, Хасан и мужественный, белобрысый красавец Антон, любящий делать подарки всем своим подругам. Красивая она или нет, ему было все равно, ко всем он относился одинаково. В драках Антон был непобедим. Его необыкновенно сильный, длинный молниеносный удар крошил любого. А когда подвыпившие мужички в питейном заведении устраивали бузу, он никогда не принимал в этом участия. Отказывал даже хозяевам кабака, когда те просили его разнять дерущихся. Равнодушно поглядывая на потасовку, Антон перешагивал валяющихся и уходил. Если бы Хасан, тогда да! – и причина была бы, тогда бы и вскочил с радостью. И вот – нашелся повод, пришло время посостязаться в полную силу.

«Только бы не пропустить его коварный удар справа, тогда пиши пропало...» – мелькали мысли в голове Хасана.

«Ну что, Шаян, вона как за тебя радеют девчонки! Оне веселых и богатых любят...» – злился Антон.

Первый прямой удар Хасана сотряс Антона.

«М-да, – оценил он, – тяжелая рука!»

«А-а, почувствовал мой кулак! – подумал про себя Хасан, услышав, как охнул от удара его соперник. – Осунулся, дружище... в последнее время не спишь, по ночам Ленина читаешь, листовки разбрасываешь... Отец мой всё про тебя знает... митинги в цехах устраиваешь, баламутишь простой народ. Звали мы тебя: давай с нами в торговый двор! Жил бы хорошо, родителей вытащил бы из нищеты. Так ты же вбил себе в голову: свобода и равенство...»

– У-у-ух! – реагировали обе стороны, наблюдая, как тяжело ложатся удары по разным частям тела соперников. Шёл открытый обоюдный обмен ударами. Никто не собирался прятаться в глухой защите.

Антон пропустил сильный встречный удар под локоть.

– Мама! – вдруг вырвался у него стон из груди. Показалось, будто мамка схватила и приподняла его, как в детстве, и закружила вокруг себя. «Мне страшно, отпусти!» – «Не бойся, сынок, – звонко хохотала она, – соколёнок мой!»

– Что с тобой? – подхватили падающего Антона товарищи. Все разом ахнули, когда Антон сполз с рук на растоптанный снег. Судорожно стрёб ладонью со льда рыхлый снег, приложил к лицу. Отдышавшись, подхваченный дружками, вскочил на ноги.

– Фу! – тряхнул он головой. – Неплохо бьёт байский сын! Перехватило дух малость, сейчас... Погодь, погодь, братки! – и, с силой оттолкнувшись от друзей, снова выскочил на середину круга. Странная улыбка, превращающаяся в белозубый оскал, легла на его худошавое лицо.

Хасан, подбежав, встретил его прямым хуком. Антон наклонился вправо и ловко ушел от удара. Хасан провалился вперед, и тут произошло что-то непонятное – Антон выпрямился откуда-то из-за плеча соперника и, как по команде «Отпускай руку!», будто из стенобитного орудия, вылетел его кулак, со страшной силой врежаясь в квадратную челюсть Хасана.

– Всё, финита ля комедия! – произнёс один из свиты Акбаша, когда они склонились над Хасаном.

– Этот парень – бог кулачного боя, если смог уронить вашего сына! – удивленно произнес он, вернувшись к Акбаш-баю.

Толпа безмолвствовала. Каждый молча прокручивал в своей голове эпизоды схватки. Вот Антон уклонился, сделал шаг в сторону, выпрямился и тут же нанес ответный удар. Хасан упал навзничь, воткнувшись головой в снег.

Было непривычно – сам Хасан повержен! Грустно вздыхали девчата: сегодня он не будет гоняться за ними, вылавливать по очереди, нагло целовать в затылок, в шею – сегодня не его праздник, не его день. Близко приняв к сердцу проигрыш Хасана-Шаяна, хныкал в стороне мальчик Фаиз.

– А ну, расступись! – зло гаркнул Акбаш Шаяпов, быстро прошел сквозь толпу, по пути всадив крепкий подзатыльник оклемавшемуся сыну, отчего тот съёжился.

– Ну, я это, батя... – промямлил растерянно Хасан что-то себе под нос.

Акбаш-бай с женой Разией и своей свитой, пробравшись к месту поединка, остановились, ожидая победителя. Антон, отделившись от группы радостно ликующих товарищей, вразвалочку вышел навстречу делегации.

Акбаш прямо взглянул в глаза Антона, потом, кисло улыбнувшись, спросил:

– Значит, это ты наш гордый «Варяг»?

– Эта песня не про меня, – ответил Антон. – Они герои, а я – простой рабочий.

Еще раз смерив его взглядом, Акбаш громко, во всеуслышание, произнес:

– Таких, как он, у нас называют «Челяберкет» – по-нашему «гордый орел». А клоунов, – он покосился на своего отпрыска, – Шаяном! Вручаем победителю обещанный приз! – Акбаш протянул Антону малахитовую шкатулку, завернутую в дорожную, расшитую золотом, шаль. – Ты достоин сегодня этого подарка.

Толпа одобрительно закивала головами, разразилась аплодисментами, крича: «Браво! Браво, Челяберкет!»

– Выкатывай обещанное, Акбаш-бай! – загалдели мужички. – Будем, как ты сказал, за Челяберкета пить!

Довольный Антон, разглядев стоящую неподалеку Амалию, взялся было за шкатулку, но Акбаш вдруг резко притянул его к себе и тихо прошептал:

– Не вздумай дарить золотое кольцо Амалии...

– Что? – удивился Антон. – Вы же сами сказали, объявили всем, что победитель волен сам распоряжаться своим выигрышем!

– Послушай, молодой и горячий! – выдавил из себя Акбаш. – Посмотри на друзей Хасана – они тебе не простят, если ты прилюдно вручишь кольцо Амалии. Начнется потасовка, которая может перерасти в массовое побоище. Это между нашими народами давно сидит. Рос-

сия велика, но мы все разобщены. Вместо единого общества народы нашей страны предпочитают традиционализм...

– Традиционализм? – повторил Антон. – Это что-то новое, надо прочитать про это.

Приздумался парень над новым словом. Казалось, он вовсе и забыл, зачем выходил к Акбашу.

– Ты поверь мне, они очень ревностно относятся к красавице Амалии. Она их, и никому из русских они не позволят коснуться ее. Молчишь? Ну вот и молчи, значит, договорились. Ты же умный малый! – Акбаш хлопнул по плечу Антона под согласные кивки не на шутку встревоженной свиты: что будет, если Антон-Челяберкет не согласится с их условиями?

– Хм, – Антон глядел через плечо банкира на Амалию, – вот не ожидал от вас, Акбаш Шаяпов. Вы для меня всегда были примером решительности и смелости в поступках, а теперь ставите мне условия: бери приз, не касайся Амалии, она не для тебя, забудь... Что же это? С одной стороны, вы требуете справедливости, с другой – показываете кулак.

– Успокойся, Челябинкет, ты и твои товарищи – не пацаны. Вы уже вступили во взрослую жизнь, игры закончились. За слова и поступки пора отвечать перед обществом. Кнут и пряник! Одной рукой шлепнул, другой погладил – жизнь сложна. Бог и закон. Закон правового государства и божий закон совести должны быть неотделимы друг от друга.

– Я понял, – пораженный услышанным, выдавил из себя Антон. Он оглянулся на своих товарищей, потом снова обратил свой взор на противоположную сторону, где, сверкая белизной на весеннем солнце, высилась у обрыва реки «Ак-мечеть».

«Акбаш Шаяпов, похоже, прав – зачем портить праздник? Она невеста самого Хасана. Хасан – достойный противник, и я его уважаю. Да и наши меня не поймут: своих баб мало, что ли?! Эх, была не была, прости, Амалька!» – вздохнул Антон.

Круто развернувшись, поднял он над собой шкатулку, звонко крикнул:

– Эту победу я посвящаю своей матушке!

– Ура-а! – взорвались в ликовании вокруг люди.

Засунув шаль в боковой карман тужурки, Антон открыл шкатулку и, взяв полную пригоршню монет, швырнул их ватаге ребят.

– Куды, Антошка?! – подбежал к нему отец, дав сыну пинка под зад, выхватил у него из рук малахитовую шкатулку и отскочил в сторону.

Толпа людей, расталкивающих друг друга локтями, рванула к саням, которые подвезли бочки с вином. По пути толпа сбила с ног растерянного Антона под общий хохот горожан, наблюдавших за всем представлением с моста. «Браво, Антон-Челяберкет!» – кричали они, не умолкая.

Только одной Амалии было не до радости. Вырвавшись из объятий тоскующих подруг, она вскарабкалась по заснеженному обрыву, вбежала во двор мечети. Прильнув к холодной кирпичной стене храма, горько разрыдалась.

– А ну, прекрати, доченька, – сказал вышедший на высокое крыльцо имам. – Акбаш правильно решил, вовремя оценил обстановку. Сам ее заварил, сам же и разгрёб.

Тут во двор вбежал ее братишка Фаиз, держа в руках большую разноцветную шаль, накинул на плечи сестре.

Оказывается, мать Антона в знак примирения вернула шаль жене Акбаша, Разии, сказав, что денег в шкатулке хватит им на большой дом. А Разия нашла Фаиза и сказала ему: «Передай шаль Амалии от меня, пусть она хранит ее».

Вот так шумно и весело, но с оттенком драматизма, отпраздновали масленицу в городе Челябине. Каждый остался при своих интересах, довольны были обе стороны берега. Вина хватило всем. Звонницы колоколен Троицкой церкви еще долго возвещали о празднике, на котором башкиры и русские в обнимку плясали под гармошку, хлебнув пару кружек крепкого и сладкого вина. Спустились к реке на празднество и настоятель храма со священнослужителями.

телями. Имам со служителями соборной мечети столпились над обрывом реки. Протоирей громко и зычно провозгласил:

– Пусть вся Россия берет пример с Урала. Здесь зарождаются новые отношения в обществе, зреют новые колосья межнационального единства всех наций, проживающих на Урале. Нам делить Россию незначит. Пусть светит всем великое Русское солнце!

...Звуки канонады всю ночь были слышны со стороны железнодорожного вокзала. К утру мимо окон по улицам города проскакала Красная кавалерия. За ними, тяжело шаркая по брусчатке сапогами, прошла пехота. Солдаты скопились у берега реки, выкатив несколько пушек на мост. Расставив часовых, расположились на привал. Ближе к полудню в торговом дворе объявились командиры подразделений с охраной из красногвардейцев.

– Тэ-эк, – протянул для начала главный из них, остановившись на середине улицы. Он был среднего роста, в кожаной фураге, обутый в солдатские сапоги, в черном суконном железнодорожном бушлате, перепоясанный ремнем, на котором по бокам висела шашка и кобура с револьвером. Разгладив усы, он громко окликнул сходящихся на торговую улицу встревоженных, испуганных горожан:

– Я – комиссар кавалерийского полка и вверенного мне стрелкового батальона под командованием комдива Блюхера. Волен разъяснить вам новый порядок и учредить новую власть, власть Советов, состоящих теперича из рабочих и крестьян. Заводы и фабрики переходят под юрисдикцию красных депутатов. Помещики и фабриканты, не желающие сотрудничать с новой властью, становятся врагами, а с врагами революции разговор короткий – ликвидация. Наша задача состоит в том, чтобы убрать с дороги чуждый нам класс и пробить тем самым дорогу к социализму. Так как, – зычным голосом продолжал комиссар, – на пути рабочего движения стоит царизм – цепная собака капитализма. Продавать свою рабочую силу по дешевке капиталистам и подвергаться эксплуатации мы больше не намерены.

Собравшиеся жители тихо слушали комиссара, перекрещивались, как на воскресной проповеди, вздыхали, переглядывались в недоумении.

За спиной командиров Амалия заметила Антона – в папахе, в армейской шинели до колен, на ремне висела кобура с наганом.

– Где твой Хасан? – спросил он, подойдя к лавке после выступления комиссара. Амалия поначалу, увидев Антона в военной форме, в больших рабочих, на толстой подошве, ботинках, растерялась. Перед ней стоял не тот, прежний, с хулиганскими выходками, парень, а серьезный, с суровым взглядом убежденного в своей правоте, возмужавший человек.

– Не бойся! – цыкнул он на спрятавшегося за сестрой Фаиза. – Мелких лавочников не тронем – тех, кто зарабатывает на жизнь своим трудом. А вот Акбаша и его сына спаймаем – не уйдут от праведного возмездия народа.

Амалия, слушая Антона, разглядывала его. Похудел, усики появились – отмечала она про себя.

– Чего, Амалия, молчишь? – оглядев ее, смягчился Антон. – Изменилась, повзрослела... Я вспоминаю тебя иногда, синичка моя...

– Я уже не твоя, – отвела глаза девушка.

– Ну да, конечно, как же я запомнил? Акбаш прямо тогда сказал: она никогда не будет твоей.

– О чем это ты? – не поняла Амалия. – Ты же сам тогда, на масленице, прилюдно откался от меня. При чем здесь отец Хасана?

– Стройся! – раздалась команда.

– Ну да ладно. Пока, братишка! – потерял Антон голову Фаиза. – Будь смел, выбрав однажды свой путь, никогда не сворачивай с него, не останавливайся. Будет трудно, но без трудностей не бывает результата, которого хочешь достигнуть.

Тоскливо скользнув глазами по Амалии, Антон грустно вздохнул, попытался еще что-то сказать ей, но не нашел слов, развернулся и быстро ушел.

– Береги себя, не лезь на рожон! – только и успела крикнуть Амалия, глядя вслед удаляющемуся Антону, такому родному и близкому с детства товарищу.

Ближе к вечеру перестрелки возобновились, с окраин города слышался грохот взрывов. Под утро всё стихло. Алый, кровавый восход с тяжелыми, багрово-фиолетовыми тучами разлетелся по синему небу. Словно зарево гигантского взрыва, повис он над городом.

Черный дым клубами поднимался над горизонтом. «Горит вокзал! – шептались вокруг люди. – Что же с нами будет?» – «Слыхали, что ихний комиссар сказал: сидите тихо по домам, не вылезайте без надобности, – судачили соседи. – Магазины все позакрывались. Купцы ждут, чем все это закончится».

Вскоре по городу с бешеным топотом пронеслись конные казаки. Через некоторое время в окно тихо постучали. Амалия, отодвинув шторку, узнала Антона. Едва открыла дверь, как он, обессиленный, ввалился в комнату, упал на пол.

– Что с тобой? – испуганно спросила Амалия, бросившись к Антону.

– Я ранен, за мной гонятся. Укрой меня, – простонал он.

Перевязав рану на ноге Антона, Амалия с помощью брата уложила его на кушетку возле окна.

– Извини, Амалька, доставил тебе столько хлопот. Я думаю, они не посмеют обыскивать твой дом, зная, что ты – невеста сына Акбаша. А я долго не задержусь – передохну и к вечеру, затемно, подамся на станцию Аргаяш. Там все наши собираются, к утру снова пойдем на город. Возьмем город, а там, впереди, Сибирь. Погоним и добьем их там, ближе к зиме.

– Лежи, лежи, – под села она рядом с ним. – Сейчас напоим тебя чаем. Рана у тебя не тяжелая, кость не задета. Только вот бледный ты, крови, похоже, много потерял.

Рука Амалии невольно потянулась к нему, осторожно погладила его по густым русым волосам.

– Антон, «гордый орёл», Челябинск, – прошептала она.

Антон, нежно взяв ее руку, поднес к губам. Его горячее дыхание прокатилось по всему ее телу. Амалия не убрала руку, а ласково, пальчиками, погладила его щеки, вспотевший лоб.

Она любила Антона какой-то другой любовью. С самого детства он защищал ее.

Глядя на фотографию отца Амалии, висевшую на ковре, Антон сказал:

– Теперь я понимаю – твой отец был герой. Георгиевский крест зазря не давали. А где твоя мать? Не вижу.

– Она еще зимой умерла. Мы с братиком одни остались.

– Значит, тогда, весной, вы уже были сиротами. Прости, не знал, а то не бросил бы вас, – сказал он устало.

– Ты помолчи, Антон, у тебя жар. Постарайся заснуть.

– Мне страшно... – шевелил он губами, уходя в забытие. – Ты прости, тогда отец Хасана предложил мне выбор... – бормотал он, не отпуская ладонь Амалии.

...За окном послышался топот копыт. Амалия с Фаизом кинулись к окну и тут же отпрянули – во дворе казаки во главе с Хасаном.

Антон уже сидел на кушетке с наганом в руке.

– Полезай в погреб! – сказала Амалия. – Там лаз с выходом из подвала. Будет опасно – уйдешь огородами в лес.

С улицы доносились голоса казаков.

– Надобно коней напоить! – кричали они, врываясь во дворы и стуча в окна. – Эй, хозяйева, ведра давай!

Амалия вышла на улицу, наполненную людьми в военной форме. Лица их были хмуры, они не обращали на нее внимания, сосредоточенно приводили в порядок свою амуницию, поили коней.

– Много наших полегло вчера, – говорили казаки, – один из них засел у железной дороги, возле главной стрелки, с пулеметом. Вот он и покрошил казачков наших, прикрывая пути отхода красных.

– Амалия! – вдруг услышала она знакомый голос. Это был Хасан. Подбежав, он приобнял её.

– Что случилось в городе? – спросила она.

– Ничего хорошего, – ответил он, – красные ушли из города. Задача штаба белых и казачества состояла в том, чтобы заманить их снова в город, а потом окружить и разгромить. Помешал нашей задумке Антон со своими верными хлопцами. Засели на путях с пулеметом, прикрывая отход своих. Почти все его хлопцы погибли. Антон ушел, но, кажись, он ранен – далеко не уйдет. Ну ничего, я его лично поймаю и приведу к батю. Отец получил чин казачьего сотника, и мне предлагали стать казаком, да я отказался. Хочу доказать звание в бою своей отвагой и преданностью делу белого движения.

Помолчав, Хасан добавил:

– Отчаянные были хлопчики, я их и раньше знал, по двору. Отец был поражен их смелостью. Они могли бы уйти, покинуть пост. Но Антон и его товарищи бились насмерть, выполнив свой воинский долг до конца. Мне бы таких, сказал батя, в сотню. Какая идея движет ими, чтобы вот так вот погибнуть молодыми? Знаешь, подруга моя, я поймал себя на том, что Антон опять победил меня.

– Надо все дома обыскать! – горланил хорунжий. – Можя, залёг здесь, раны зализывает, волчара... Найдёте – всех, кто укрывал, повесить. Чтобы другим не повадно было!

– Я только одно понять не могу, – продолжал Хасан, – его идея социализма – это же утопия. Уйдут от эксплуатации капиталистов, придут к диктатуре пролетариата...

– Держи! – вдруг истошно заорали казаки. – Вот он, чертяка, через огороды в лес уходит!

– Хромат, далеко не убежит!

– Кто? – окликнул их Хасан.

– Да тот красноармеец, за которым ты всю ночь гонялся. Похоже, у кого-то перелёт здесь...

– Вона, держи! – срывая своих коней с места, казаки пронеслись вдоль улицы, сворачивая в ближайший переулок.

Отрывисто захлопали выстрелы.

– Брать живым! – орал хорунжий. – Там берег реки, никуда не денется, он ранен.

Вскоре привели пойманного, побитого, связанного пеньковой веревкой Антона.

– Давай его сюды, – довольно сопел хорунжий, – допрашивать будем.

– У тебя был? – прошипел сквозь зубы Хасан, грубо схватив за плечи Амалию. Та, опустив в страхе голову, молчала.

– Понятно, – в злобе оттолкнув ее от себя, Хасан подошел к Антону.

– Говори, – тыкал ему нагайкой в лицо хорунжий, – куда и в какую сторону ушли ваши, откель нам их ждать? Отвечай миром или примешь страшную смерть от казачков.

– Да этот ничего не скажет! Пустить его в расход! – галдело казачье. – Пока гонялись за ним, он из нагана, не метясь, двоих уложил. Когда настигли, так он одними кулаками троих свалил – вона, до сих пор валяются. Откуда такой взялся – одержимый какой-то, хищный, ну прям, лютый враг.

– Заговорит, когда над костром ноги подпалим, – не унимался хорунжий.

– Вот и встретились, – сказал Хасан, слегка подвинув хорунжего, – ну, кто теперь победил – ты или я?

– Победа будет за нами, – ответил Антон, не отводя взгляда.

– За кем это «за вами»? – поинтересовался Хасан.

– За нами, за народом, правда. А значит, мы сильнее.

– Правду ищешь? – спросил Хасан.

– Я её не ищу, я её давно нашел. Вот уберем вас с пути, и правда восторжествует над угнетенным рабочим классом.

– А мы, значит, по-твоему, не из народа? – сопел сбоку хорунжий.

– Вы псы цепные у царя! – со злобой плюнул Антон в хорунжего.

– Да шо его слушать? – утершись, гаркнул он. Обойдя Антона сзади, схватил его за воротник шинели, повалил на землю и начал запинывать ногами.

– Останови их! – кричала в слезах Амалия, дергая Хасана за локоть.

Хасан в растерянности глядел на избивание Антона, наконец, придя в себя, начал расталкивать казаков, но тут же был отброшен в сторону.

– Ну, всё... – прохрипел он, чувствуя, как сжимаются его кулаки, а ярость застилает глаза, – вы – покойнички...

– Отставить! – громко прозвучала команда.

Казачи оглянулись – перед ними стоял сотник Акбаш.

– Отставить! – повторил он приказ. – Поднимите его.

Подойдя поближе и узнав Антона, удивленно воскликнул:

– Сам Антон-Челяберкет к нам пожаловал! Или я ошибаюсь? Мой сын все-таки заловил тебя в свои силки-сети, гордый орел!

Антон промолчал, взглянув на Хасана, потом на Амалию.

– Да-да, слышан я о тебе, – говорил, растягивая каждую букву, Акбаш, – много ты положил наших казачков. А главное, что обидно: сорвал предложенный мной план в штабе. Я-то думал – заманю вас снова в город. Учините там грабёж, мародёрничать начнете, винные погреба вскрыете. К этому всё и шло. В городе я специально оставил команду, которая должна была спровоцировать беспорядки. А твои дружки раскусили их – идейные, революционная дисциплина. Ты – опасный враг, хитёр и умён, – почти в упор шипел сотник Антону, – удивительно, почему это твои комиссары тебя не замечают? Или у вас, у большевиков, уже началась междоусобная мышьяная возня? Они рано или поздно убрали бы и тебя, не дожидаясь, пока ты, оперившись, поклёёшь их. Это по понятиям ссыльных каторжан: кто сильнее и коварнее, тот и выживает. Отпустил своих товарищей, что еще остались живы. Остался один, а мог уйти с ними. Замысел ты свой выполнил – спутал казачков, заманил их за собой, по ложному следу. Слышал я, о чём ты высказывался на митингах со своими товарищами. Мнения твои не совпадают с большевистскими. Ты не за красных, не за белых, и монархические лозунги тебе претят. Так за кого же ты, Челяберкет?

– Если ты до сих пор не понял, о чем с тобой говорить? – отвел взгляд Антон.

– А вот ты мне, сотнику казачьего войска, объясни: за какую жизнь ратуешь?!

– Не за твою, это точно. Звание сотника за деньги не покупают, – зло отрезал Антон.

– Э-э-э, – возмутился хорунжий под гул казаков, – он наш сотник, назначенный казачьим генералом, да на казачьем кругу, на майдане одобрен, местными казаками. Давай, я ему еще добавлю! – замахнулся он на Антона.

– Подожди, Павел! – остановил его Акбаш. – Тебе бы всё пашкой махать да нагайкой щёлкать. Под сорок лет уже, а всё с кондачка решаешь: расстрелять, повесить. Завоевался совсем, я смотрю, хватит крови!

Павел быстро заводился, но так же быстро отходил. Он был чуть ниже среднего роста, с покатыми плечами, круглолицый, рыжий «бутузка».

– А ты сделай милость, изволь мне, сотнику, повторить свои слова, что на митинге говорил, – напирал Акбаш на Антона, – а мы слушаем.

– Давай послушаем! А шо не послушать, пусть погутарит напоследок! – загалдели казаки.

– Мы все во внимании, – ёрничал Акбаш.

– Реставрация капитализма, участие частного капитала, модернизация хозяйства страны – может, слышал про это? – сказал Антон.

– Допустим. Реставрация, модернизация... А мы-то чем вам помешали? – удивился сотник.

– Своей необузданной эксплуатацией, ненасытностью. Вы заражены болезнью, которая называется алчностью. Её щупальца захватили вас, капиталистов. Вас, как проказу, надо искоренять, – в гнев, глядя в глаза Акбашу, сказал Антон, – посыпать хлоркой и отправить на утилизацию!

– А-а, да чего его слушать! Он и здесь митинг устроил! – сопел хорунжий в ухо сотнику. – Вона, сынок твой как заслушался. Глядишь, нового врага обретишь себе в виде отпрыска.

Не сдержавшись, он изо всех сил пнул Антона сапогом, отчего тот согнулся. Со всех сторон на пленного посыпались удары – ногами, кулаками, прикладами.

– Батя, останови их! – взмолился Хасан.

– А ты что расслабился, сынок? Повлиял он вдруг на тебя? Меня не слушал, а он вот так – запросто – взял тебя за душу?

– Одержимый он какой-то, черным вороном смотрит, дьявол он, антихрист! – кряхтел между ними Павел.

– Отойди! – гаркнул Акбаш, грубо оттолкнув сына.

– Ты, батя, не сотник, а палач, если позволяешь это побоище над пленным!

Схватив отца, Хасан с силой швырнул его в сторону. Подскочив к казакам, ввязался с ними в драку.

– Это ты на отца своего? – заорал Акбаш, вытащил из кобуры браунинг и выстрелил в воздух. – Хорунжий, слушай мой приказ: Хасана арестовать, а этого – закрыть в сарае. Завтра разберемся, что с ним делать.

Хасана отвели в один из домов. Им оказался дом Амалии. Антона приволокли в бессознательном состоянии туда же и кинули в сарай.

– Ну, вот и лады, – кашлянул хорунжий Павел. – Отдохни, успокойся, молодой барин, в этой избе. Приказ бати. А утром видно будет.

Поставив часового, он ушел, хлопнув калиткой.

Некоторое время Хасан молчал, угрюмо набывчив голову и опершись локтями о край стола. Слышно было только тиканье настенных часов.

– Когда же ко мне переедешь? – прервав молчание, резко спросил он, отчего Амалия с братиком, напуганные до слёз, слегка вздрогнули. – Ты же дала согласие.

– Так ведь что творится кругом! Стреляют. По городу боязно стало ходить, – ответила Амалия дрожащим голосом.

– Твоя правда, дела плохи. Силы красных скапливаются за городом, вот-вот пойдут на нас, только с какой стороны – неизвестно. На этот раз мы не удержим город.

– Изменился ты, – прошептала Амалия. – Угрюмый стал, похудел, одни скулы торчат...

– Амалия, ты слышала, что он час назад сказал? – перебил её Хасан.

– Слышала, да не все поняла, – пожала плечами она.

– Мой батя иногда, встречаясь с компаньонами, поговаривал о том же. О реставрации, о модернизации экономики и народного хозяйства. Я не вникал тогда во всё это, за что отец укорял меня: слушай нас и делай выводы, на ваше поколение всё это падёт. Вам поднимать Россию, если не случится революция. Таковую жизнь народ долго не выдержит, тогда будет поздно. Вzbеленившись от беспросветных трудностей, народ пойдёт всё крушить, ломать и жечь всё, что попадется ему на пути.

– Ты как Антон стал рассуждать, – сказала Амалия.

– У меня нет к нему злобы, я перестал воспринимать его как врага. Он сильный духом человек, знает, за что борется. Антон – будущий лидер движения, который поведет новое поколение по пути европейской цивилизации. Я теперь начинаю понимать отца, когда он говорил мне про наше поколение.

– Темнеет, – сказала Амалия.

– Не понял? – переспросил Хасан, увлечённый своими рассуждениями.

– Костры жгут, говорю, песни казачьи затянули. Небось, где-то во дворах самогон раздобыли.

– Злые они стали, как собаки, – ответил он. – Их понять можно. Новая власть с ними не церемонится. Большевики пытаются отобрать у них особый, привилегированный статус. Казаки требуют вернуть себе автономию, не отменять казачий устав, атаман – всему голова...

Ещё громче загудели казаки за окном, зашумели.

– Наверное, до некоторых долетели слова Антона, – сказал Хасан, зашторив окно. Скинув сапоги, он улегся на кушетку и тут же заснул.

Проснулись среди ночи от прозвучавшего выстрела. Хасан, надев сапоги, в одной рубашке выскочил во двор.

– Кто стрелял? – крикнул он в темноту ночи. Протерев глаза, разглядел у ворот двора скопившихся казаков. Не услышав ответа, Хасан побежал к ним и, растолкав, увидел лежащего на земле с широко раскинутыми руками Антона. Наклонившись над ним, с ужасом понял, что он мёртв. Тёмно-бордовое пятно, просочившись сквозь шинель, стекало на траву.

– Здесь, похоже, самосуд устроили мои казачки, – промямлил хорунжий, – зло своё накопившееся сорвали на нём, пока я спал.

– А часовой на что? – в отчаянии заорал Хасан.

– Часовой как раз и позвал на подмогу, услышав, как этот ворон, развязавшись, попытался открыть дверь сарая. Казачки прибежали да со страху пулю пулю прямо в дверь. Он ещё жив был, выбрался из сарая и упал здесь, во дворе.

Хасан, выпрямившись, ещё раз взглянул на Антона. Его лицо, освещённое лунным светом, застыло в еле уловимой улыбке. Будто он и не мёртв вовсе, а спит, и снится ему сон, что он, широко раскинув руки, летит над землёй и хочет возвестить всем сверху: «Люди, остановитесь! Не стреляйте друг в друга. Мы рождены на этой земле для добра, справедливости и разума...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.